

Глава 3

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АРХАИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Нередко можно услышать суждение, что НЕПОЗНАННОЕ познается посредством сравнения с ИЗВЕСТНЫМ. Это кажется совершенно логичным, хотя и остается неясным — как надо проводить это СРАВНЕНИЕ. Чаще всего под сравнением подразумевается количественное сопоставление: чего-то больше или меньше, что-то редко или часто, и тому подобное. В конечном итоге подобное ПОЗНАНИЕ ранее неизвестного в гуманитарных науках порождает массу устойчивых представлений, которые, если присмотреться внимательно, почти совершенно игнорируют историческое изменение содержания многих очень важных понятий, особенно изменений качественных. Незаметно ПОЗНАНИЕ подменяется переносом ПРИВЫЧНОГО в любые времена и в любые места. Чаще всего это происходит в тех случаях, когда АВТОР доказывает СВОЮ концепцию, а ДОКАЗЫВАТЬ многим можно, только оперируя ИМ известным, принятым. Вывод парадоксален — понятия гуманитарных наук не требуют доказательств, они не стабильны качественно, их содержание принципиально различно в разные исторические эпохи, а количественные отличия расположены внутри однозначных серий и не связаны одним временем и одним местом.

Суахилийский термин родства *ндугу*

Термин *ндугу* принципиально невозможно перевести ни на один из современных европейских языков и вообще — на язык любого народа, находящегося на том же уровне развития, что и население Европы. В словарях, разумеется, есть перевод: брат, сестра, братья и сестры, поскольку форма слова не меняется по числам. Однако, такой перевод более чем условен, он вообще не отражает содержания термина родства «*ндугу*». Причина такого положения заключается в принципиальном различии основ родственных связей общества архаического и общества во всех отношениях современного, т. е. в различии исторического СТАДИАЛЬНОГО состояния этих обществ. Система европейских (и аналогичных им) терминов родства, называемая специалистами описательной, имеет своим принципом ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ происхождение конкретного индивида от двух других конкретных индивидов. Структура «ядра» следующая: отец и мать — родители (физиологические породители), представители старшего поколения; их дети (в любом количестве) между собой — братья и сестры

(кровно родные), представители младшего поколения. Это «ядро» имеет окружение — «менее родных» родственников в пределах каждого поколения и родственников более старших или более младших поколений. Как социально-организующая и правовая структура, это образование не может существовать без понятия «счета родства», который может быть либо мужским, либо женским. Счет родства (допустим — мужской) делит всех представителей этого образования на полноправных (в данном случае — мужчин) и неполноправных (женщин). Кроме того, деление на «совершенно родных» и «менее родных» выделит основную правовую «вертикаль» — (здесь) старших мужских потомков в каждом поколении, считая от «основателя рода» — «первого» по памяти прапредка в «вертикали» отца «ядра». Любой индивид этой системы получает полагающуюся ему долю «права» в связи с наступлением «совершеннолетия». Совершенно очевидно, что в этой системе такие понятия, как «основатель рода», «счет родства», «старший из сыновей» и «совершеннолетие» — понятия условные, т. е. обусловленные какими-то жизненно важными для этого образования обстоятельствами (содержащими свои понятия), хотя сама система выглядит безусловной, порожденной «естественным» обстоятельством — фактом «физиологического происхождения одного индивида от двух других индивидов» (при мужском счете родства — «одного индивида от одного индивида — мужчины»).

Тем не менее, и это «естественное обстоятельство» — УСЛОВНОЕ, и вызвано оно, в качестве исходной социально-правовой «идеи», исторически сложившимся понятием — «правом частной собственности». Кровнородственная структура отражает две формы этого права: право кровных родственников на «родовую собственность» и право индивида на «личную собственность». До появления социального представления о праве частной собственности физиологическое происхождение ИНДИВИДА не могло стать основой системы, регулирующей общественные отношения, поскольку для этого не было причины. Частная собственность, как показывает сам термин, — это ЧАСТЬ чего-то, что ранее принадлежало ВСЕМ.

Ее появление можно представить в двух вариантах: а) «коллектив» поделился на «группы», и, соответственно, поделилось то, что принадлежало этому «коллективу»; б) в «коллективе» выделились несколько «групп» (или одна «группа»), а вместе с ними из того, что принадлежало всем, выделились и их ЧАСТИ.

В специальной литературе (прямо или между строчками) чаще встречается первый вариант. При этом предполагается, что все происходило «естественным» путем. «Естественно» образовался «первичный кровный род» (не иначе, как два-три поколения потомков Адама и Евы, разумеется, не библейских, сотворенных Господом Богом, а какая-то, видимо, неуживчивая пара покинула свое стадо, и это были ее потомки), затем «род» раз-

росся и «естественно» сегментировался. Получилось несколько «родов», а чтобы не совсем порывать с прошлым единством, установили (от условностей-то нельзя уйти и в «естественной эволюции») запрет брачных отношений внутри своего «рода», что вынудило к таковым меж «родами» (а некоторые специалисты считали, что запрет браков внутри «рода» был следствием открытия «пагубности кровосмешения»). Этот запрет «естественно» породил счет родства — если мужчины уходили в чужой «род», счет оказывался женским, если женщины — мужским.

Были и другие мнения, еще более «естественные»: счет родства возник до сегментации, и он был «материнским» — ведь рожают-то женщины, матери, а отцы при отсутствии регулярных браков неизвестны. Но возникает вопрос, прямой, хотя и непривычный — что заставляло людей в столь отдаленные времена индивидуально помнить, кто их родил? Можно этот вопрос поставить и иначе — зачем женщина того времени помнила всех, кого родила?

Ответ может быть только очень современный — «коллектив» помнил, кто кого родил, чтобы в случае утраты работоспособности родителем было кого обязать кормить его. Но тогда понятие КОЛЛЕКТИВ, тем более «кровнородственный коллектив», теряет смысл, слово превращается в пустой звук. Более того, постаревших «неизвестных» отцов, видимо, вообще не кормили. Очевидно, что все было не так, и «естественным путем» кровнородственный коллектив, «кровный род», возникнуть не мог.

С другой стороны, нет оснований считать, что кровный род как социальная структура являлся «институтом», т. е. был некогда сознательно «учрежден» обществом. Сложился он самостийно, но не биологическим путем. Точнее, самостийно «всплыл» на поверхность социальной действительности ПРИНЦИП кровного индивидуального происхождения в качестве основы социального права. Но для этого и до этого должны были появиться несколько взаимосвязанных условий. Первое из них и главное — полноценный переход к «активной» форме хозяйства, т. е. к земледелию или скотоводству (или к тому и другому вместе). Активные формы хозяйства сами по себе обладают такими свойствами, что не могут составлять единый экономический комплекс обширной этнической группы, она неизбежно разобьется на более мелкие коллективы, существующие за счет конкретных единых хозяйств. Таким образом, обособятся в каждом коллективе и многие проявления социальной действительности, но для появления «кровного принципа» в организации общественной жизни и прав ИНДИВИДА этого еще недостаточно. Разумеется, с течением времени все члены такого «отдаленного» коллектива в биологическом смысле оказываются кровными родственниками, но не биология определяет структуру человеческого коллектива, нормы его социальной жизни, а формы разделения труда, соответствующие характеру и уровню развития трудовых процессов.

Считается, что наиболее ранним было разделение труда между мужчиной и женщиной. Это положение кажется само собой разумеющимся, основанным на физическом различии организмов. Полностью отрицать этот принцип нет необходимости, но важно подумать — в каких сферах труда он проявлялся, в основных или в дополнительных? Что касается основных форм коллективного жизнеобеспечения, то вероятнее предположить для любого времени МАЛЮЮ значимость полового диморфизма у человека по сравнению с различием физических, умственных и психических возможностей особей различного ВОЗРАСТА (младенец, подросток, молодой индивид, зрелый человек, старый). Каким бы убедительным ни казалось первичное разделение труда по полу, все же нельзя ни в каком смысле уравнивать возможности, например, 10-летнего мальчика и 30-летней женщины. Из этого возможен только один вывод: в основном коллективном жизнеобеспечивающем труде «разделение труда» возникло и развивалось в связи с ВОЗРАСТНЫМ РАЗЛИЧИЕМ возможностей человеческого организма. Следовательно, и самые ранние социальные структуры основывались на ВОЗРАСТНОМ принципе, а не на принципе кровного происхождения одного индивида от другого. А КОЛЛЕКТИВ никогда не был механическим объединением индивидов, и даже самые ранние и простые формы его основывались на необходимости хотя бы простейших комбинаций различных действий, ведущих к общей цели. Иначе, этот труд просто нельзя назвать КОЛЛЕКТИВНЫМ, и он никого бы не «очеловечил». Формально, архаический возрастной коллектив объединял возраст (точнее — близость по возрасту), а по существу — физическая, умственная и психическая возможность осуществлять определенный комплекс жизнеобеспечивающего труда. И каждому «возрасту», следует полагать, соответствовал посильный комплекс занятий, а все они вместе составляли экономическую основу жизни любого архаического конкретного социума.

Обычно, когда речь заходит о первичной форме разделения труда между мужчиной и женщиной, полагают, что мужчины занимались охотой, а женщины собирательством. Однако, такое мнение — это не более, как перенос в отдаленнейшее прошлое наблюдений над нашими современниками из числа обитателей мало пригодных для жизни уголков земного шара. Собирательство и охота в столь отдаленном прошлом имели совсем другие условия, разделялись не по полу участников, а по сезонам года, и ими занимались люди, имевшие еще весьма незначительную традицию знаний и орудий труда. Кроме того, сколько бы индивидов ни собирало в одном месте и одновременно, например, ягоды дикой вишни, орехи или желуди, их труд вряд ли был коллективным, его коллективизм заключался не в процессе, а только в том (и тогда), что добычей делились и с теми, кто не участвовал в собирании.

Иное дело охота, особенно охота на крупного зверя. Однако, и ее описывают или изображают довольно странно, т. е., как правило, только момент

умерщвления зверя. Существует много рисунков с завязшим в болоте мамонтом и десятком первобытных охотников, мечущих в него камни и копья с каменными наконечниками. Вроде бы все правдоподобно, но стоит вдуматься, и обнаруживается нелепость. По какой бы причине мамонт ни попал в болото, он либо выберется, если оно мелкое и с твердым дном, либо утонет, и достать оттуда его будет невозможно. Камни не могут разбить ему череп, а копья в лучшем случае пробьют только шкуру. Первобытные охотники не тореадоры, и не в их интересах прибавлять ярости и без того свирепому и могучему зверю, и не такие глупцы, чтобы тратить силы и время на добычу, которая все равно утонет в болоте. Да и не это главное. Мамонты, мастодонты, бизоны и олени плейстоценового времени — звери не только крупные, но и стадные, с прекрасно развитыми формами инстинктивной защиты молодняка от нападений крупных хищников. Один или два десятка первобытных охотников не обратят в бегство даже небольшое стадо мамонтов, и если они ранят одного, остальные их просто растопчут. Прямое нападение следует исключить и для двух сотен охотников. Более реально и продуктивно для того далекого времени другое — умение, не вызывая беспокойства всего стада, каким-то способом отвлечь, отделить и отдалить от стада одно животное, заставить его следовать по какому-то пути, затем — испугать его, чтобы метнувшись, оно сорвалось с обрыва или угодило в заранее вырытую глубокую яму.

Не следует удивляться сложности предположенных приемов — ведь, по определению палеоантропологов, на мамонтов, мастодонтов, древних бизонов, овцебыков и т. п. охотились люди последней стадии палеолита, «хomo сапиенс», с мыслительной способностью, сходной с таковой у наших современников. Можно также предположить, что именно вследствие длительного использования «приема приманивания» выяснилась возможность «приучить» некоторых стадных животных к постоянному, не беспокоящему их присутствию людей около стада и даже в стаде, т. е. «приручить» их.

Что же касается копья с каменным наконечником, то еще неизвестно — от копий ли эти наконечники, а если и от копий, то мамонта или шерстистого носорога такими копьями убить нельзя. Мистер Шерлок Холмс, столкнувшись с убийством при помощи китобойного гарпуна, когда человек был пробит насквозь, сам пошел с гарпуном в мясную лавку, и попытался пробить свиную тушу подходящего размера. Ему это не удалось, отсюда вывод — убийцей был опытный китобой. Многие исследователи сами делали кремневые орудия, чтобы понять приемы их изготовления, но мне неизвестно, чтобы кто-нибудь из них делал попытки метать копье с каменным наконечником, хотя бы, например, в неошкуренную тушу коровы. Тем не менее, очень многие авторы с удивительной легкостью пишут об охоте на мамонта с каменным копьем, хотя кожа современного слона в несколько раз толще кожи домашней коровы. Находки же каменных ост-

роконечников, вонзившихся в кость, можно объяснить и тем, что это происходило во время разделки туши, операции нелегкой для каменных орудий и после снятия шкуры. С каменным копьем можно было охотиться на некрупных животных, но и в этом случае оно не убивало зверя, а ранило, давая возможность преследовать по кровавому следу.

Но и для такой охоты, в смысле умерщвления добычи, гораздо больший эффект давало копье без наконечника и дубинка. Копье без наконечника — довольно длинный кол из твердого тяжелого дерева, конец которого обугливали над костром и заскабливали в острие. Некоторые авторы эту процедуру называют «закалкой на огне», но дерево от этого не твердеет, а просто легче поддается обработке. Огонь и каменный скребок были древнейшими инструментами для обработки дерева; и деревянных изделий у человека «каменных веков» было много больше, чем каменных, хотя исследователи, склонные к излишнему академизму, обычно скупко говорят о них, ссылаясь на отсутствие ранних археологических находок. Возможно, что подобные мнения вызваны и просто полным незнанием с деревом и с приемами его обработки.

Если бы было широко известно, что дерево можно обрабатывать деревом же, не странствовало бы из книги в книгу нелепое утверждение о том, что огонь высекали, ударяя камень о камень. При ударе действительно видна «искра», но это только светящаяся каменная крошка с невысокой температурой. Много позже, когда появилась закаленная сталь, открылась возможность высекать огонь «из камня», хотя в действительности о камень срезали тонкую стружку с кресала с температурой около 800°C. Древнейший способ добывать огонь сам обнаружился, когда начали сверлить отверстия в деревянном изделии деревянным же сверлом, «распиливать» деревом дерево и т. п. Дерево употреблялось так широко, что и палеолит, и неолит правильнее было бы называть деревянным веком («ксилоном», что ли?).

Теперь можно подсчитать приблизительное количество разных по степени сложности и по силовым нагрузкам видов трудовой деятельности, которая составляла основу жизнеобеспечения, например, у людей верхнего палеолита и неолита. Начинать надо не с самых сложных и важных, как это делают обычно, а с самых простых и давным-давно освоенных; это менее «учено», но более рационально и последовательно. Прежде всего — это собирательство, простое — повседневное и повсеместное, и более развитое — сезонное. Простым повседневным собирательством и сейчас занимаются современные человекообразные и нечелокообразные обезьяны, и никого из них этот вид жизнеобеспечивающего труда не очеловечил

¹ Следует иметь в виду, что автору во время написания книги были доступны лишь некоторые старые, вышедшие не позднее начала XX в., работы по языкам североамериканских индейцев, имевшиеся в те годы в научных библиотеках Ленинграда. — *Прим. ред.*

(как никого из них не очеловечило использование в случае необходимости палок или камней). Следовательно, простое повседневное собирательство не имело никакого отношения к очеловечиванию. Сезонное собирательство также не чуждо современным обезьянам, тем более, что сезонность «регулируется» просто фактом созревания того или иного вида пищи. Результат тот же.

Несколько в ином положении оказывалось «собирательство» мелких степных зверьков, оно объективно требовало использования каких-то простейших «орудий» (палок, камней), требовало не поиска их по мере надобности, а постоянного присутствия, длительного ношения с собой и поиска их заранее. Этот вид «собирательства» обладал рядом прогрессивных воздействий: более качественная животная пища, необходимость длительного передвижения на двух ногах, необходимость иметь (носить с собой) «орудия», необходимость помнить об их надобности, об их пригодности. Обезьяны переимчивы вообще, а обстоятельства «собирательства» мелких, частых и обильных в степной зоне животных «завязали» начало простейшей градации, которая определила развитие нового вида жизнеобеспечивающих занятий — охоты с применением постоянных «орудий». Дальнейшее развитие этой деятельности, появление потребности в разнородных совместных действиях той или иной группы особей, породило начало действительно КОЛЛЕКТИВНОМУ труду (т. е. не массово однозначному, а совместному простейше-структурному). Если съедобные корни, клубни и другая растительная пища никак не реагировала на присутствие человека, то животные, особенно мелкие зверьки, естественно, отбегали подальше от скопления людей и прятались. Это обстоятельство вызвало тот результат, что добыча была большей, когда охотники, может быть случайно, разбивались на маленькие группы.

Рано или поздно, но такое положение становилось обычным, как естественно и то, что группы сами складывались из особей, более или менее близких по возрасту, как сказали бы теперь — «по взаимному интересу». По своему характеру эта охота требовала не только удаления от места ночной стоянки всей группы, но и способности к быстрым и ловким движениям. Стало быть, ей не могли заниматься только что родившие или собирающиеся родить женщины, маленькие дети, больные и старые люди. Все они должны были оставаться на месте ночной стоянки и, в лучшем случае, заниматься собирательством вблизи нее. Видимо, так, сам собой, сложился более сложный, чем у других стайных животных, ритм жизнедеятельности, ритм, имевший перспективу дальнейшего развития. Этот ритм закрепил, как первичную и простейшую социальную структуру, деление каждой конкретной группы особей (независимо от численности и причин совместного пребывания) на две части: меньшую — пассивную и малоподвижную, и большую — активную и подвижную. Однозначность

этого простейшего социального деления в любой конкретной группе препятствовала ее «самозамыканию», т. е. давала полнейшую возможность сливаться нескольким группам в одну или расходиться даже в ином составе. Сохранялось только ставшее традицией деление на пассивную и активную части.

В развитии социума каждая из этих частей играла свою роль. Пассивная была тем «центром», куда к ночи собирались мелкие охотничьи коллективы активной части, а на долю активной части падало дальнейшее развитие охотничьего хозяйства, что не только расширяло «ассортимент» добычи, но постепенно и закрепляло, соответственно физическим возможностям, (т. е. в конечном счете — соответственно возрасту) разные виды охоты за различными трудовыми коллективами. Становясь традицией, это усложняло первичную социальную структуру. С экономической позиции даже традиция деления конкретных групп на пассивную и активную части создавало первичную форму кооперации. Создавалась как бы «эстафета» занятий. Женщины, кормящие грудных детей, могли не только на какое-то время оставлять их под присмотром стариков, т. е. не таскать их с собой, собирая съедобные растения, но и охотиться на мелких зверьков довольно далеко от стоянки. Говоря иначе, раньше включаться в более продуктивный комплекс добычи пищи. Еще более важным было то, что каждый индивид, по мере вырастания, вместе со своими сверстниками, коллективным образом, постепенно осваивал разные виды охоты с постепенным возрастанием трудности и опасности, что, с одной стороны, закрепляло все более усложнявшуюся традицию охотничьих приемов и изготовления необходимых орудий труда, а с другой стороны, позволяло коллективу максимально использовать весь наличный резерв физической силы, не создавая без нужды крайних напряжений у отдельной особи. Даже слабые силы стариков и подростков дети нашли, таким образом, полезное коллективу применение.

В сложившихся простейших формах разделения труда и «кооперирования» (т. е. по силовым возрастным возможностям с комбинациями ролей) спонтанные выражения радости по поводу удачных результатов охоты или других дел (выкрики, приплясывания и т. п.), в силу своей однозначности и «коллективности», со временем породили простейшие социальные обряды, т. е. некие формы выражения этих естественных эмоций. Так же, видимо, обстояло дело и с неприятными или тяжелыми эмоциями: это их притупляло, помогало преодолению. Обряды придали разделению труда по возрастным возможностям характер регулируемой обществом структуры коллективной жизнедеятельности, структуры, в которой не было никакого места для индивидуальной памяти о кровно-физиологическом происхождении, и вообще не было никаких индивидуальных понятий и представлений.

Причиной же распространенного представления об изначальности принципа индивидуального кровно-физиологического родства в первичных социально-организующих структурах оказалось то обстоятельство, что Л.-Г. Морган, создавший стройную систему развития «первичного общества», свято верил в разрушительный характер близкородственного кровосмешения. По этой причине, ставя постепенно развивающийся разум в основу происхождения и изменения и материальной культуры, и социальных структур («изобретения», «установления»), он изложил всю историю «первобытного общества» как следствие постепенного осознания и устранения этого пагубного влияния: беспорядочное половое общение; структура, препятствующая половому общению индивидов разных поколений; структура, препятствующая бракам коллатеральных братьев и сестер; структура, ставящая преграду бракам родных сестер и братьев, и структура, закрепляющая пожизненный брак двух индивидов. Он называл эти структуры термином «семья» с соответствующими определениями, не замечая, что анализирует принципы их построения (собственно, даже и «промискуитет»), как разные «формы брака», с позиции современных ему представлений, перенося их как «мерку» все дальше и дальше вглубь ушедших тысячелетий. Он учитывает различия принципов морали, утверждая, что было время, когда половое общение родных брата и сестры не считалось обществом того времени аморальным — «кровнородственная семья», хотя дело было не в иных принципах морали, а в том, что отсутствовало само представление о близком или далеком «кровном родстве» — в нем еще не было надобности. Морган хотел «историю первобытного общества» поставить на такую же доказательную основу, какая была у событийной политической истории «письменных обществ», а «доказывать», как уже упоминалось, можно только опираясь на «всем известное», и тем самым переставил местами причину и следствие. Не «форма семьи» и не «моральные нормы» определяли характер общественной структуры, необходимой (как признавал и Морган) для жизнеобеспечивающего труда, а наоборот — развитие коллективных форм труда создавало те принципы, на которых формировались структуры общественных отношений, и все те изменения самих социальных структур, «форм семьи», моральных норм и т. д.

Помимо веры в пагубность «кровосмешения», были и другие причины, мешавшие Моргану правильно оценить имевшиеся материалы этнографического характера. Во времена Моргана и много позже (иногда и сейчас) вряд ли кто-либо понимал, что «социальные слова» в реальности «дикарей» имеют не то содержание, которое воспринимается европейцем по их переводу в словарях. Особенно это касается терминов родства. Рассылая анкеты миссионерам, торговцам и колониальным чиновникам, Морган собрал достаточно большой материал на эту тему, но, как и его информаторы-ев-

ропейцы, понял его слишком прямолинейно. Факты, когда несколько мужчин называют нескольких женщин термином, переводимым как «жены», а те именуют их «мужьями», понимались и миссионерами, и Морганом в «европейском смысле», т. е. либо как «омерзительная безнравственность», либо как пережиток первобытной формы семьи и брака — «групповой брак» в фактическом проявлении. Когда сведения содержали указания, что либо группа мужчин-мужей, либо группа женщин-жен называют друг друга термином, переводимым как «брат» (или «сестра»), что понималось как дети одной пары родителей, Морган делал заключение о появлении принципа, запрещающего брак коллатеральных братьев и сестер (не замечая, что для такого запрета необходимо, прежде всего, само представление о кровных и коллатеральных индивидуальных родственниках, как и об индивидуальных породителях). С позиций европейских представлений о «морали» и кровном индивидуальном родстве было трудно понять, что у многих обществ иного уровня развития еще отсутствовал принцип кровного индивидуального происхождения в качестве основы структур, организующих их социальную и производственную жизнь, что термины родства (групповые термины) определяли не кровную близость, а место индивида (в составе его группы, т. е. тех, кого он называл «термином социальной однозначности») в социальной структуре (в данный момент) и порядок изменений этого социального положения (в отличие от неизменности социального положения по рождению в европейском обществе). Собственные наблюдения Моргана в резервате сенека-ирокезов и в соседних резерватах, где, несмотря на групповой характер родственной терминологии, реальные жены и мужья жили парами — не столь стойкими, как европейские «семьи», но достаточно (а может быть и более) нравственными, — привели его к мысли, что для полного исключения «кровосмешения» человеческий разум еще на поздней варварской стадии развития создал кровный род и парную семью, что, по его мнению, открывало возможность индивидуального обогащения через индивидуальное наследование имущества по прямой линии, а в дальнейшем — и переход общества к политическим структурам, к государству.

Здесь во многом Морган был прав, но он по-прежнему менял местами причины и следствия. В отличие от многих современников и последователей (особенно тех, кто не признавал его заслуг), сам Морган не ставил кровный род в начало человеческой истории, он определил ему место в «преддверии» цивилизованного общества. Однако он считал кровный род результатом развития разума, а не следствием развития и углубления разделения труда, не следствием развития активных форм хозяйства (земледелия, скотоводства), которые по своему характеру требовали выделения особого права группы деятелей на результат этого труда. Прав он был и в том, что только с полным формированием кровного линейного генеалогиче-

ского рода возникает имущественное различие родов и составляющих их семей. Эволюционно выводя кровный род и парную семью из своих «предшествующих» представлений, Морган был вынужден считать, что в начале мог существовать только материнский счет родства, ибо «отцы были неизвестны точно», но Морган, как и многие другие исследователи доклассового общества, не предполагал, что в нормально функционирующем доклассовом обществе контакт малолетних детей и их физический родителей крайне ограничен во времени, что само понятие «дети» связано только с возрастом ребенка, требующим постоянного наблюдения взрослого человека, а групповые термины, переводимые как «дочери», «сыновья», соотносят индивидов этих групп с теми группами индивидов, которые они называют терминами, переводимыми как «матери», «отцы». И суть этой социально-организующей системы совершенно не связана с индивидуальным физиологическим происхождением одного индивида от двух других.

Ни Морган, ни его коллеги в других резерватах не могли наблюдать полноценной социальной, этнической и производственной жизни аборигенов, т. к. это уже были жалкие остатки их, теснившиеся в специальных резерватах. Христианских миссионеров, приобщавших «дикарей» к «истинной вере» в других, колонизируемых частях мира, мало интересовали еще сохранявшиеся фрагменты доклассовых структур, они с ними боролись, уничтожали как могли, полагая, что несут «дикарям» нравственность и мораль. Однако, в полнодействующем доклассовом обществе женщина, породившая ребенка и кормившая его грудью, очень скоро в его сознании «растворялась» во множестве других женщин, как и он «растворялся» во множестве других детей, рожденных другими женщинами. В первом случае это происходило потому, что перед маленьким человечком вставляли трудные и неукоснительные задачи начала освоения всей жизненной традиции, и он вступал на этот путь в группе своих сверстников; а во втором случае рождение следующих детей, их кормление и другие заботы просто вытесняли из памяти тех, кого женщина, по сути дела, больше и не видела. Это подтверждалось и терминологически: в языках таких обществ слова, переводимые на европейские языки как «матери-дети», далеко не всегда подразумевали порождение одних другими, так что мнение исследователей об «изначальной известности породивших матерей» может быть основано только на несостоятельной убежденности о совместной жизни матери и рожденных ею детей до полной зрелости последних. Но человеческие дети — не детеныши животных, им всегда надо было многому и полноценно учиться, и учились они не у взрослых родителей, а прежде всего подражая тем, кто был несколько старше и кое-что уже умел, и так далее, от возраста к возрасту, пока не наступало время полноценного жизнеобеспечивающего труда.

Таким образом, ни парная, ни какая другая «семья» в условиях полноценного доклассового общества не могла создать представления о породителях как о самых близких и значимых родственниках — по той простой причине, что там не было «семьи» как элементарной единицы социальных и экономических отношений, а то, что называют «парной семьей», появилось как следствие развития орудий и приемов труда, т. е. как следствие разделения труда не только по возрасту, но и по полу. Говоря иначе, когда, наряду с систематическим коллективным трудом, появилась масса довольно сложных физически индивидуальных процессов, стал сказываться и половой диморфизм человеческого организма, а эти индивидуальные занятия распределились по полу, и в них сказалась парная последовательность работы. Только это обстоятельство, развиваясь и закрепляясь, и могло создать известную прочность (относительное постоянство) естественной «пары», физически воспроизводящей конкретный социальный коллектив. Во всяком случае, появление «парной семьи» никак не было связано ни со стремлением общества предотвратить «пагубность близкородственных браков», ни с «совершенствованием моральных представлений», которые сами были не более как следствием укоренившихся практических традиций. И не с закрепления «парной семьи» пошел счет родства, поскольку эта элементарная ячейка воспроизводства самих людей тысячелетиями оставалась растворенной в социально-родственной системе непрерывно и последовательно организуемых обществом ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП, составлявшихся из детей НЕЗАВИСИМО от их физиологического происхождения.

Система же ГРУППОВОЙ (классификационной) родственной (нефизиологической) терминологии, несомненно, появилась вследствие необходимости классифицировать соотношение этих групп между собой, которое как традиция фиксировало обязанности и права членов возрастных единиц любого конкретного этноса и порядок возрастного изменения обязанностей и прав. Принцип возрастного деления общества обладал чрезвычайно важным качеством — он не разрушался в случае «активных» изменений продолжительности ВОЗРАСТНОГО СТАТУСА или числа символов (групповых имен, тотемических знаков групп) в замкнутых (т. е. повторяющихся) конкретных системах. Это качество провело принцип возрастного социального деления через тысячелетия, без особых затруднений отражая те изменения в социальных отношениях доклассового общества, которые вызывались развитием его экономической базы. И только тогда, когда развитие идеологии потребовало внесения в возрастную систему социальной организации элемента физиологического происхождения, эта система начала разрушаться, и наконец рухнула вследствие нарушения создавшего ее неделимого права жизнеобеспечения.

Только с такого момента «парная семья» получила роль той «завязи», из которой развивающийся принцип кровно-физиологического индивиду-

ального происхождения создал кровный линейный генеалогический РОД, закрепивший за собой ОТДЕЛЕННОЕ (т. е. частное) право на средства жизнеобеспечения, право на дальнейшее обогащение. По форме родовое право собственности было коллективным, но по существу в полной мере оно фиксировалось на живом старшем представителе основной генеалогической линии, получавшем его по НАСЛЕДСТВУ от физиологического породителя и передававшего это право (также по наследству, т. е. после смерти) старшему физиологическому потомку. С развитием кровного линейного рода ГРУППОВАЯ терминология родства получила ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ значения терминов родственной отношений, отразившие новый принцип — принцип физиологического происхождения ИНДИВИДА. В этнографической науке такие системы родственной терминологии получили название «описательных». Это название полностью соответствует смыслу построения схемы, т. е. имеет в виду не столько термины родства, которых там очень мало, а словесное описание множества родственников и свойственников индивида-эго. Во времена Моргана юристы (а он тоже имел юридическое образование) самой совершенной описательной системой терминов родства считали римскую, состоящую из 157 родственных обозначений. Она была выработана древнеримскими правоведами и предназначалась для выяснения доли наследства отдаленных родственников, если не оказывалось прямых и близких наследников. Именно эту схему, в переводе на английский язык, в качестве «анкеты» рассылал Морган своим многочисленным «корреспондентам», т. е. колониальным чиновникам или миссионерам.

«Описательная схема» (например, «дочь сестры отца», «правнук сестры отца», «муж дочери сестры матери» и т. д.) давала очень разные результаты в зависимости от степени владения местным языком (языком «дикарей») тем, кто собирал необходимые Моргану сведения (это касалось не только терминов родства, но и «семьи», брачных обычаев, внешнего поведения, обращений). В тех случаях, когда собиратель хорошо знал язык аборигенов, он собирал огромное количество «родственной терминологии», т. е. по сути дела, получал ПЕРЕВОДЫ задаваемых вопросов (на английский или на иной европейский язык) латинской терминологии родства — ОПИСАТЕЛЬНОЙ. Сам вопросник как бы содержал и ответы на эти вопросы, например, «как называется брат брата твоего отца?», мог быть только один ответ: «брат брата моего отца», где будет правильная грамматическая комбинация из двух, совершенно не связанных терминов: «брат», «отец». Но это еще было не самым «вредным», хуже было то, что вопрос ставился в «единственном числе» (твой...) и ответ, естественно, звучал в «единственном числе» (мой ...), а это создавало «твердую иллюзию» ответов о физиологических (кровных) основах записываемых родственных отношений. То же самое получалось и с терминами «свойства». На вопрос: «Как ты называешь

жену своего брата?», могли получить ответ — «жена», что создавало «представление» о так называемых «групповых браках» в сексуальном понимании, о «широких групповых семьях» («пуналуа»), о «неполном преодолении пагубного кровосмешения». Даже повторяемость терминов, когда «отец», «брат отца», «мать» и «сестра матери» обозначались, соответственно, одним термином, не разбивала создавшейся «твердой иллюзии», что речь идет об индивидуальном физиологическом происхождении, ибо «мать» и собирателями, и исследователями мыслилась только как физическая породительница, как единственный «корень» любых систем родственных отношений, как естественный и единственный ИСТОЧНИК ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИНДИВИДА. Если «обширность» терминов «жена», «муж» понималась как отсутствие «высших форм брака», то «обширность» терминов «родителей» либо игнорировалась, либо воспринималась как некая «условность», «формальность». Эту «формальность» Морган учитывал, учитывал «классы» родственников, но понимал это как следствие явления «переживания» терминами тех обстоятельств, которые их породили. Отсюда (при индивидуально-физиологическом понимании принципа родства) и его представления о всеобщей исторической стадии «групповых браков», «пулануальной семьи», «неизвестности отца» и «постепенности преодоления человечеством пагубности кровосмешения».

Однако, несмотря на все эти и другие «недоразумения», естественные во времена Моргана, в его теоретических построениях, связанных с системами родственной терминологии, были и драгоценные зерна. Он был совершенно прав, утверждая, что родственная терминология меняется медленнее изменений в общественной жизни и может служить опорой для построения «первобытной истории» и истории бесписьменных народов. Прав был он и в том, что до появления кровного рода с его обособленной РОДОВОЙ собственностью человечество знало достаточно сложные формы социальных отношений, только называл их — «семейными». Вследствие ряда «незыблемых» представлений своего времени Морган прошел мимо того «узла», с которого следовало начать проникновение в социально-родственные представления архаического дородового общества. Этим «узлом» как раз и были те термины, «наполнение» которых не вязалось с «естественными» понятиями об индивидуальном физиологическом происхождении.

Все вышесказанное можно проиллюстрировать примерами из работ самого Моргана:

1) РИМСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА (основа анкет-вопросников Моргана). Собственно терминов родства (не «описаний») в ней немного. Это: *патер*, *матер*, *фратер*, *сорор*, *филиус* и *филиа*, *непос* и *нептис*, *авус* и *авиа*, *амита*, *патруус*, *матертера*, *авункулус*, т. е. 14 из 157 (+ 22 термина свойства). Остальные «термины» — синтагмы, составленные из перечисленных собственно терминов родства: *фратер филиус* — сын брата,

амтае магнае филиа — дочь двоюродной бабки по отцу и т. д. Собственно же термины и стали той частью «анкеты-вопросника», которая заполнялась собирателем сведений, если последний не знал местного языка или знал плохо, т. е. пользовался далеко не совершенным знанием европейского языка информатора-туземца. Это обстоятельство, по сути дела, сохранилось до нашего времени, и полевой этнограф редко знает язык изучаемого народа. Среди «туземцев» сейчас можно встретить прекрасно говорящих по-английски, по-французски, по-испански и т. д., но вместе со знанием европейского языка такой «туземец», естественно, усвоил и европейскую терминологию родства, а это позволяет ему дать «полноценный», т. е. полновзвучающий ответ на любой вопрос собирателя сведений. Кабинетный исследователь знает туземные языки так же мало, или совсем не знает их. Хочет или он или нет, но для него, собственно говоря, «звучит» английский или иной ПЕРЕВОД терминов. В синтагмах-вопросах естественны элементы: «твой», «твоя» и т. д., что столь же естественно в синтагмах-ответах дает начала: «мой...», «моя...» на языке информирующего. Все это вместе создает (в кабинетных исследованиях) ложное представление о том, что опрошенные общества строят свои родственные связи на принципе индивидуальных отношений и физиологического происхождения индивида, с одной стороны, а с другой — наполняет записи несуществующими и ненужными в реальной жизни исследуемого общества «терминами», т. е. синтагмами-ответами, построенными информатором по всем правилам родного языка.

Это положение можно проиллюстрировать на материалах самого Моргана. Морган вряд ли знал язык сенека-ирокезов, зато в резервате, как обычно бывает, когда малое общество окружено большим и более значимым, несомненно, были люди, достаточно хорошо говорившие по-английски. Морган задавал вопросы (по своей анкете — латинской терминологии родства) и получал вызванные ими ответы. Количество полученных им ответов-терминов (вместе с терминами свойства) 219. Совершенно ясно, что сенека-ирокезы, даже в лучшую (чем жизнь в резервате) пору, не имели римского социального деления римских богатых патрициев, откупщиков, ростовщиков, торговцев и прочих рабовладельцев, как не имели и их многочисленных родственников разных степеней родства и разных имущественных состояний, что составляло в реальности «правовую сеть» любого из перепутанных между собой браками римских «генсов». Для начала можно взять такие синтагмы-вопросы: «твой дед», «твоя бабка», «прадед», «прабабка», «прапрадед», «прапрабабка»? (№№ 5–6, 4–3, 2–1, из «Сравнительной таблицы системы родства сенека-ирокезов из штата Нью-Йорк и народов, говорящих на тамильском диалекте дравидского языка», Л.-Г.Морган, *Древнее общество*, стр. 257). Синтагм-ответов (для простоты чтения — в русской транслитерации латинской транскрипции

Моргана, поскольку «истинное произношение» ничего не меняет) — только две: *хок-соте* для мужского пола и *ок-соте* для женского. По сути дела — это одно слово с полоразличающими элементами, возможно, местоимениями «мой», «моя». Следовательно, дальше «дедов» у сенека-ирокезов «родственники» не отмечались, да и по полу не делились. Та же картина с внуками-правнуками — тоже только два «термина»: *ха-я-да* для мужского пола и *ка-я-да* для женского, но полоразличительные элементы иные, там — *хок* и *ок*, здесь — *ха* и *ка*. Причину этого различия выяснить трудно, но весьма вероятно, что она в особой сложности местоименной системы языков аборигенов Северной Америки вообще (во всяком случае — это более грамматика, чем лексика). Еще вопросы-синтагмы: «твой брат?», «твоя сестра?». На них ответов в таблицах Моргана нет, т. е. нет, казалось бы, самых элементарных терминов родства. Вывод из этого обстоятельства может быть только один — у сенека-ирокезов просто не было таких родственных отношений, как отношения физиологических потомков одних и тех же породителей, точнее, эти отношения не играли никакой роли в социальной жизни. К такому выводу сам Морган не мог прийти по объективным причинам — во всем обширном арсенале его знаний и представлении не было места для такой мысли, поскольку вся его логика строилась на идее физиологического происхождения индивида. Поэтому он вполне удовлетворился наличием своеобразного «общего» термина для «братьев» и «сестер» — *да-я-гуа-дан-но-да* (перевод: мои братья, моя сестры), а также — наличием терминов, дифференцирующих «возраст»: *ха-дае*, *ах-дае* (в другом месте — *ах-йе*) и *ха-ха*, *ка-га* (переводы соответственно: «мой старший брат», «моя старшая сестра» и «мой младший брат», «моя младшая сестра»). Однако, если нет слова и понятия «брат», «сестра», то ни «возрастные» термины, ни тем более, длинное слово-предложение (*да-я-гуа-дан-но-да*), также не должны передавать привычных европейцу кровно-физиологических отношений. Это можно подтвердить еще четырьмя терминами: в переводах — «мать», «сестра матери» и «отец», «брат отца» — для первых — *но-йех*, для вторых — *ха-них*, из чего также следует, что речь шла не о физических породителях, и далее — «сын» и «сын брата» — *ха-ах-вук* («дочь» — *ка-ах-вук*) для мужчины и для женщины и ее сестры. В синтагмах-вопросах идея физиологического индивидуального родства могла звучать только по-английски, ибо нелеп вопрос: «Как называешь ты своих матерей?» («отцов?»).

Такому анализу (и с такими же результатами) можно подвергнуть все таблицы Моргана, но уже этого достаточно, чтобы понять ход его мыслей. Из одинаковости звучаний терминов, которые он понимал («переводил») как «отец» и «брат отца», «мать» и «сестра матери», при его индивидуально-физиологическом понимании принципа родства, а также из наблюдений над «парной семьей» у современных ему сенека-ирокезов, Морган мог

сделать только тот вывод, что ранее у ирокезов была «групповая семья». Получаемая им обширная информация по родственной терминологии «дикарей» из разных мест земного шара и из других районов Северной Америки, во многом сходная с теми материалами, которые он собирал сам, утвердили в его сознании правильность таких выводов и позволили разбить «историю семьи» по этапам: каждый этап отмечал постепенность преодоления человечеством «кровосмешения».

Через сотню с лишним лет после Моргана в этнографической литературе появились в виде фрагментов и «следов» сведения о «возрастных структурах», еще не так давно действовавших у некоторых народов колоний. Однако, этот «институт» рассматривался вне других социальных явлений, как недавно возникший (ограниченно — у скотоводов) и не связанный с родственными отношениями, которые, как и сто лет назад, записывались и изучались в «ключе» индивидуального физиологического происхождения. Между тем уже материалы Моргана открывали другой путь исследования архаических форм родства и связанных с ними архаических социальных представлений. Можно сказать, что моргановский материал по ирокезам представляет собой особую ценность. Прежде всего потому, что Морган был очень тщательным собирателем и квалифицированным систематизатором, чрезвычайно способным к сравнительному анализу. С другой стороны, и сенека, и другие ирокезы, как и большинство аборигенов Северной Америки, до появления европейцев были изолированными от внешних воздействий живыми представителями «хомо сапиенс» стадии раннего неолита (по характеру хозяйства). Из этого следует, что на основании иного, не индивидуального и не физиологически-родственного подхода, сведения Моргана о сенека-ирокезах (с учетом всего, что удалось собрать о социально-возрастном делении архаических обществ) достаточны для построения реконструированной модели социально-организующей структуры стадии раннего неолита.

2) СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА сенека-ирокезов. «На диалекте оджибве слово *тотем*, которое часто произносится также *додаим*, обозначает 'символ' или 'знак рода'; например, изображение волка представляет собой тотем рода Волк». (Древнее общество, стр. 97). Из этой цитаты следует, что Морган (как позже и Тейлор) не считал тотемы объектами религиозного поклонения, как не считал и того, что «дикари» будто бы верят в свое физическое происхождение от животных, растений и т. п. Группы, обозначаемые тотемом, по его представлениям были родами, т. е. группами физиологически родственных индивидов, состоящими из нескольких поколений породителей и их детей. Эти роды-тотемы по его материалам были объединены в 2-3 или больше (у разных племен) «фратрии». «Каждая фратрия представляет собой братство, как показывает сам термин. Роды одной и той же фратрии — братские роды по отношению друг к другу,

и двоюродно братские по отношению к родам другой фратрии» (стр. 54). В этих же строчках, в скобках, Морган дает и ирокезское словопредложение, обозначающее то, что он называет греческим словом «фратрия» — *де-а-нон-да-а-йох*.

Эти положения Моргана создают несколько противоречий. Семантика элементов «словопредложения» отсутствует, и проверить прямо перевод Моргана невозможно, поскольку вообще не существует ни одного словаря аборигенных американских языков, где бы были «элементы», а не «слова», как нет и грамматик, где бы рассматривались «элементы», а не составленные из них словопредложения с семантикой европейских слов.¹ В его таблице, как было отмечено, нет терминов со значением «брат», «сестра» (как физиологических детей одних и тех же породителей). Термины для двоюродных братьев и сестер повисают в воздухе. Как их называют, *ха-ах-вук* и *ка-ах-вук*, т. е. дети женщин-матерей или мужчин-отцов — понять трудно, ибо *ха-сох-нех* и *ка-сох-нех* — дети «брата матери» или «сестры отца» по «переводу» — ‘племянник’ и ‘племянница’. ‘Племянником’ и ‘племянницей’ «переводятся» также термины *ха-я-ван-да* и *ка-я-ван-да*, т. е. дети «сестры» мужчины или «брата» женщины. Отмечалось, что в таблице есть множественный термин *да-я-гуа-дан-но-да* со значением ‘братья-сестры’, но это не снимает противоречий. Перевод словопредложения *де-а-нон-да-а-йох* словом «фратрия» не имеет никаких оснований, но он уводит в сторону от противоречий своей понятностью каждому европейцу, как и название группы людей, имеющих один тотем — род. Совершенно ясно, что, так же как при сборе информации о терминах родства Морган использовал как анкету список латинской терминологии, здесь он использовал сведения о структурах античных обществ Греции и Рима. Говоря иначе, он «приложил» показавшуюся ему подходящей некоторую терминологию сенека-ирокезов к античной терминологии, соответствовавшей структуре раннеклассового общества, общества много более развитого. Даже когда он сделал чрезвычайно важное для понимания структуры ирокезского общества замечание о том, что ирокез (как мужчина, так и женщина) не может вступить в брак в другом тотеме своей фратрии, разъяснения дал «античные» — но может избрать жену или мужа в ЛЮБОМ другом тотеме. Действительно, древний римлянин, например, не мог вступить в брак в своем гене, но мог в любом другом. Сам же Морган, анализируя материал, присланный ему из Австралии, писал следующее: «Иппаи мог жениться на Капотаи, и ни на ком другом, Кумбо мог...» (Древнее общество, стр. 33), т. е. он был одним из первых, кто отмечал существование у «архаических» народов жестко направленных норм брака. В резервате сенека-ирокезов он уже не мог наблюдать то же правило относительно их тотемов, их социальная жизнь была полностью разрушена, а у австралийцев (того же времени) еще сохранялась.

Несомненно, что «разъяснение» Моргана излишне, и ирокез мог вступить в брак только в строго определенном тотеме и ни в коем случае не в своем. Это уже подтверждается и тем, что ирокез «сестер своей матери называет матерями, а братьев отца — отцами», из чего следует принадлежность и тех, и других к одной группе однозначных (тотем) и к другой группе однозначных (тотем), ибо «сестер» и «братьев» нет, а есть общие «дети» этих групп, каковыми является и каждая группа «родителей» для групп своих «родителей». Весьма вероятно, что множественный термин *да-я-гуа-дан-но-да* («братья-сестры») — это и есть название группы однозначных, и мужчины одной из таких групп вступают в брак (т. е. имеют право выбора) с женщинами определенной другой. Символом же каждой группы является ее тотем, ее общее имя. Таких имен-тотемов у сенека-ирокезов было восемь, и они делились на две группы, внутри которых брак был запрещен. Следовательно, брачный порядок тотемов мог быть только такой: мужчины I-го тотема 1-й «фратрии» могли вступать в брак с женщинами I-го тотема 2-й «фратрии», а мужчины этого тотема — с женщинами II-го тотема 1-й «фратрии», мужчины этого тотема с женщинами II-го тотема 2-й «фратрии», так через один тотем все восемь. Другого решения, удовлетворяющего правилу не вступать в брак в своей «фратрии», не существует. Что же до упомянутого «разъяснения», то право вступать в брак в любом тотеме другой «фратрии» привело бы систему к бессмысленному многообразию вариантов, к практической ненужности. Цепочка же из восьми жестко связанных брачных правил групп (внутри которых брак запрещен), через одну маркированных символами-тотемами двух бракозапретных «фратрий-линий», составляла принципиальную основу стройной и простой системы не только брачных порядков, но и всей социальной деятельности доклассового общества. Каждая конкретная группа (а не индивид) бракозапретных мужчин и женщин, т.е. *да-я-гуа-дан-но-да*, упрощенно — «братья-сестры» — была минимальным элементом этой социально-организующей системы и в соотношениях с другими такими группами, помимо тотемического символа, маркировалась соответствующим групповым «термином родства». Так, например, мужчины определенного тотема одной «фратрии» (*ха-них*, упрощенно — «отцы») имели право быть мужьями (*да-яке-не*) женщин определенного тотема другой «фратрии» (*но-йех*, упрощенно — «матери»), которых они называли также *да-яке-не*, соотносились с еще одной группой, считавшейся группой их «детей» (*ха-ах-вук* и *ка-ах-вук*, упрощенно — «сыновья», «дочери», что не зависело от физиологического происхождения). Физические «семьи» у сенека-ирокезов были парные, а нормы брачных прав и запретов — групповые. Это и породило в сознании Моргана представление о бывшей некогда физической «пулануальной семье». В реальности же парная семья ирокезов не имела никакого отношения к социально-родственной структуре, ибо она порождала физических детей, а не социальных индивидов.

Групповое и нефизическое соотношение «дети — родители» естественно предполагает и два «колена» реальных групп-тотемов, т. е. 8 символов в старшем и 8 их повторений в младшем «колене». В таблице терминов родства есть и «колено» дедов, т. е. термины *хок-соте* и *ок-соте* («дед», «бабка»), повторяющиеся в «переводах» в значении «прадедов», «прапрадедов» и т. д.). Из этого следует третье «колено» из 8 реальных групп с теми же тотемическими символами. Стало быть, в конкретный отрезок времени у сенека-ирокезов в социально-активной фазе жизни находилось 24 бракозапретных группы мужчин и женщин, поделенных статусом старшинства на три «колена» и маркированных восемью тотемическими символами. За пределом социально-активной фазы находились грудные младенцы и старики, то есть «прадеды» и т. д. Последовательная связь реальных групп-тотемов брачными нормами в пределах каждого «колена», вроде бы, подводила к умозаключению о замкнутости каждого «колена», а повторяемость тотемических символов по вертикали (т. е. в «коленах» «детей», «родителей» и «дедов») как бы указывала на линии кровных родов, но обстоятельства оказались более сложными.

Среди наших отечественных этнографов первым, кто заинтересовался всеми этими вопросами, был Л. Штернберг, занимавшийся изучением жизни гиляков. Он нашел у них «фратрию», состоявшую из трех тотемов (которые он, как и Морган, счел линейными родами физиологических предков и потомков), но, пытаясь связать эти три тотема с их строгими брачными запретами и обязательствами в «поколенное кольцо», обнаружил, что «свободные» крайние мужчины и женщины (в крайних группах-тотемах) по нормам гиляков бракозапретны. Л. Штернберг, как это делал и Морган, когда полученные от информаторов сведения были неполными, предположил «вымерший» четвертый тотем. Линейный генеалогический род действительно мог вымереть, но с тотемом-группой при действующей системе такого произойти не могло — группа составлялась не по физическому происхождению детей, а по достижению ими возраста вступления в социальную жизнь, и у конкретного этнического коллектива всегда нашлись бы «нужные» дети, даже если бы все их «родители» по системе оказались физически бездетными. Таким образом, брачный запрет «свободных» крайних мужчин и женщин, обнаруженный Л. Штернбергом, лежал совсем в другой плоскости — эти мужчины и женщины были слишком различны для брака и по реальному, и по социальному возрасту. Штернберг при опросе оперировал гиляцкими терминами родства и получал соответствующие ответы, но запрет в реальности не обозначал, что кто-то из гиляков оказывался вне брака — просто спрашивающий исходил из системы, не свойственной гиляцкой социальной структуре. Дело в том, что практически и гиляцкая, и ирокезская, и любая аналогичная социально-родственная структура представляла собой «бесконечную» цепочку последовательно

организуемых возрастных (внутренне бракозапретных) групп, связанных друг с другом брачным обязательством, маркированных определенным в каждом конкретном обществе числом тотемических символов (тотемических групповых имен или иных знаков), что и делило «цепь» на отрезки, которые не были физическими поколениями, а только «коленами» системы — с позиции той группы, которая в вопросе оказывалась отсчетной (т. е. «эго»-группой). С этой позиции любая женщина из старшей группы «колена» «эго» могла (и должна) вступить в брак с мужчиной из младшей группы старшего «колена» (т. е., по терминологии родства, — с младшим представителем «колена» «отцов»), который практически был на столько же старше ее, насколько старше был муж любой женщины в этой системе. Замкнуть же «колена» в «кольцо» брачных обязательств было невозможно потому, что само «колена» было ступенчатой «возрастной лестницей», и, например, младшее «колена» на одном конце своей «лестницы» имело группу детей только входящих в социальную систему, а на другом ее конце — группу женщин, которые были готовы получить право замужества. Понятно, что «брачного кольца» тотемов просто не могло быть. Что же касается возрастного различия между «ступенями» системы (так же как и между реальными группами-тотемами одного «колена»), то его можно вычислить, зная число тотемов в «колена». У сенека-ирокезов их 8, женщины старшей группы младшего колена либо были готовы выйти замуж, либо уже были замужем. Женщины стадии «хому сапиенс» физиологически созревают для замужества примерно к 16-ти годам или чуть позже. Если взять «усредненную» цифру (а в групповых обычаях не может быть индивидуального отсчета), то 16 без остатка делится на 8, что и определит возрастную разницу между группами «тотемами», а возрастная разница между «детьми» и «матерями» будет равна 16-ти годам, между «детьми» и «отцами» — 18-ти, между мужем и женой — 2 года. 2-летний (или около того) возраст — возраст вхождения в социально-организующую систему возрастного родства, а 48 лет — возраст выхода из нее во внесоциальное состояние. Дискретно, через каждые два года, происходило перемещение всех конкретных групп на следующую возрастную ступень (в следующий социально-возрастной статус), в связи с чем менялись обязанности и права членов групп, но не менялось соотношение каждой группы с другими по системе групповой родственной терминологии, как не менялся и символ-тотем группы. Даже полевой этнограф, длительно пребывающий в изучаемой среде, только наблюдением не может обнаружить действие этой системы полностью, поскольку она не предписывает членам тотемических групп ни совместного поселения, ни иных постоянных совместных действий. Более того, переходя «временную черту социального полноправия, т. е. вступая в брак, члены возрастных тотемических групп образуют постоянные ВИДИМЫЕ сочетания — физические семьи и их, не регламентированные системой, совместные (или отдельные) поселения.

Эти видимые сочетания людей чаще всего и рассматриваются полевыми этнографами в качестве средоточия социальных связей и отношений, и наблюдаемое фиксируется в записях, квалифицируется соответственно с той теоретической установкой, которой придерживается этнограф, что вместе создает и комплекс вопросов, задаваемых туземцам. По-видимому, даже крупнейшие исследователи архаической социальной жизни, какими были Морган и Штернберг, не считали нужным в неясных случаях задавать вопрос — «почему?», полагая, что на такие вопросы может найти ответ только сам исследователь, найти путем сопоставления с известным, путем аналогий. Так, Морган, обнаружив у сенека-ирокеза две группы тотемов (что, по аналогии с античными данными, он счел двумя группами линейных родов и назвал «фратриями»), задал вопрос о возможности брака внутри тотема и внутри «фратрий», и получил отрицательный ответ. Это как бы «доказало» правильность его аналогий, и других вопросов он не задавал. Перед Штернбергом оказалась одна «фратрия» из трех «родов», и он задал тот вопрос, которым пренебрег Морган: «Может ли гиляк вступать в брак в любом из двух других «родов»?». И получил ответ о строгой направленности брачных порядков. Предположив «кольцо» и получив ответ отрицательный, Штернберг не спросил «почему?», а по «анalogии» решил, что был четвертый, ныне вымерший «род».

Метод аналогий и сопоставлений не плох сам по себе, но он подводит, если сравнивается не ОДНОЗНАЧНОЕ В ГЛАВНОМ, а главное здесь — категориальная ступень социально-исторического развития сопоставляемых обществ. Общество ирокезов — глубоко ДОКЛАССОВОЕ; античное — хотя и раннее, но КЛАССОВОЕ; а общество Моргана — высоко развитое классовое буржуазное общество, и невольное смешение различных представлений обернулось бедой в выводах этого величайшего исследователя. Штернберг, по той же причине, остановился на грани, за которой открывалась суть архаической социальной структуры, и в каждом случае отрицательную роль сыграло отсутствие достаточно ясных сведений о возрастных делениях. Даже сейчас, когда таких материалов достаточно, чрезвычайно трудно воспринять их понятийное содержание.

Трудно почувствовать (или осознать разумом — «чувства» не из научного арсенала), что «ближайшие» родственники — это не те индивиды, с которыми индивид связан физиологическим происхождением, что «я» — ничего не значащая частица значимой группы «мы», что матерей и отцов много, что главные родственники не они, а смежная старшая группа, от которой «мы» периодически «наследуем» всю активную часть жизни. Само понятие «старшие» или «младшие» («братья», «сестры») не имело значения физически родившихся индивидов до меня или после меня у моих физических породителей, как не относилось и к членам моей возрастной группы — ее составляли во всем социально-однозначные, «одновозрастные»,

хотя по некоторым материалам «календарный» возраст членов группы разнился на 4, 8, а, возможно, и на 12 лет.

Это понятие «старшие», «младшие» было довольно сложным. С одной стороны, оно связывало три группы — «мою» и две смежные по сторонам; с другой — каждые две смежные, ибо они взаимно были старшая и младшая; с третьей стороны, если в «колене» их было много (как, например, у сенека-ирокезов — восемь), то старших или младших оказывалось несколько, в зависимости от того, на какой «ступени» колена в данный момент находилась «моя», т. е. отчетная, группа. Естественно, что межгрупповое соотношение старшинства сохранялось, как и соотношение, фиксируемое групповыми терминами родства, независимо от перемещения групп по статусам возрастной шкалы социальных состояний. Была и еще одна специфика в понятии старшинства групп: для группы, вступившей в I-й статус возрастной системы, все группы (и их члены) были старшими; для группы стариков (т. е. группы, вышедшей из системы во внесоциальное состояние) все были младшими. С позиций представлений архаического доклассового общества понятно, почему в длинном списке терминов социальных отношений нет слов «брат» и «сестра», в значении «дети одних родителей» — таковыми они были в досоциальном состоянии, до возраста в 2–3 календарных года, пока жили с ними в «парной семье», которая не представляла собой элемента социальной структуры. Для наглядности все это можно изобразить в схемах (см. рис. 3.1–3.6).

(Примечание. В схемах 4, 5, 6 в скобках — условные «значения» терминов, не имеющие никакого отношения к индивидуальному физиологическому происхождению «эго», который — любой индивид из группы. Ирокезские термины, по-видимому, записаны в единственном грамматическом числе словопредложений, множественная форма этих слов неизвестна.)

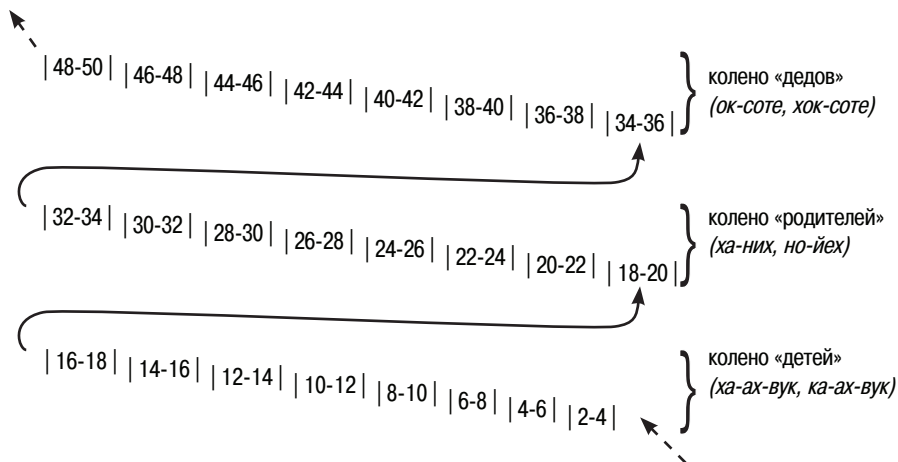

Рис. 3.1. Схема возрастных статусов трех колен сенека-ирокезов

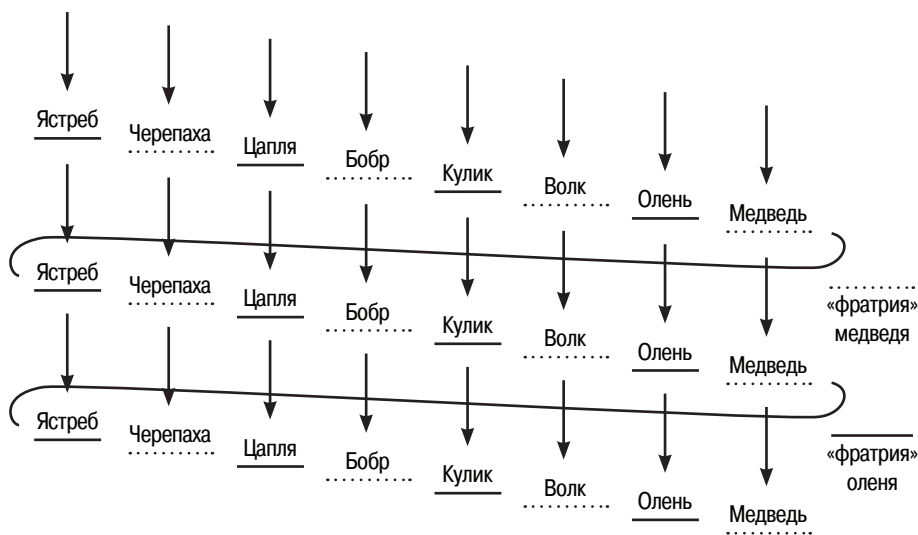

Рис. 3.2. Стагивная схема тотемов сенека-прокезов

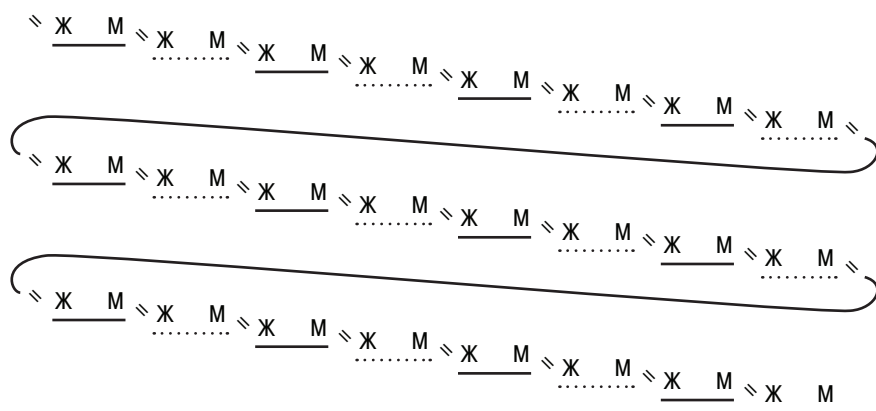

Рис. 3.3. Схема жестконаправленных браков

Из 1-й схемы (рис. 3.1) видно, что возрастная разница между любой группой (т. е. любым возрастным статусом) колена «детей» и соответствующей ей группой (статусом) колена «родителей» — 16 лет, а соответствующей группой (статусом) колена «дедов» — 32 года; что продолжительность всего социально-активного цикла жизни — около 50 социальных лет (52–53 «календарных»).

2-я схема (рис. 3.2) показывает, что чередование тотемических символов 1-й и 2-й «фратрии» через один образует в трех активных коленах вертикальные тотемические «ряды», которые за пределами социально-активного возраста уходят в «бесконечное» прошлое, способные «бесконечно» нарождаться за счет групп, входящих в систему в 2-летнем возрасте. Эти

«ряды» со своим тотемическим символом можно назвать **ТОТЕМИЧЕСКИМИ РОДАМИ**.

3-я схема (рис. 3.3), схема норм обязательных браков, демонстрирует «бесконечную» цепочку возрастных групп, делящихся на 2 «фратрии», где брачный порядок исключает брак в своей «фратрии», как исключает и брак «в любом тотеме чужой фратрии».

4-я схема (рис. 3.4) — схема группового родства старшего колена с младшим. Из нее видно, что «дети» получают тотемический символ от «матерей», что мужчины всех возрастных групп старшего колена считают членов всех групп своей «фратрии» младшего колена своими «племянниками», а членов групп младшего колена противоположной «фратрии» — своими «детьми» (женщины — соответственно, наоборот, младших членов своей «фратрии» считают «детьми», а противоположной — «племянниками»).

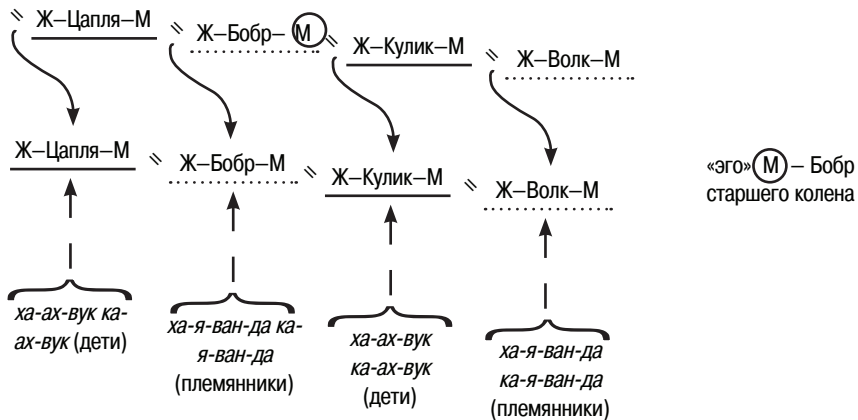

Рис. 3.4. Схема родственных связей групп для «эго» М старшего колена

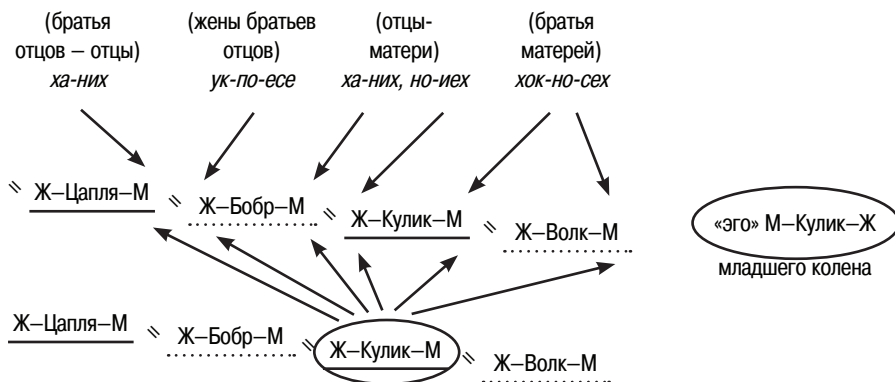

Рис. 3.5. Схема родственных связей групп для «эго» М младшего колена

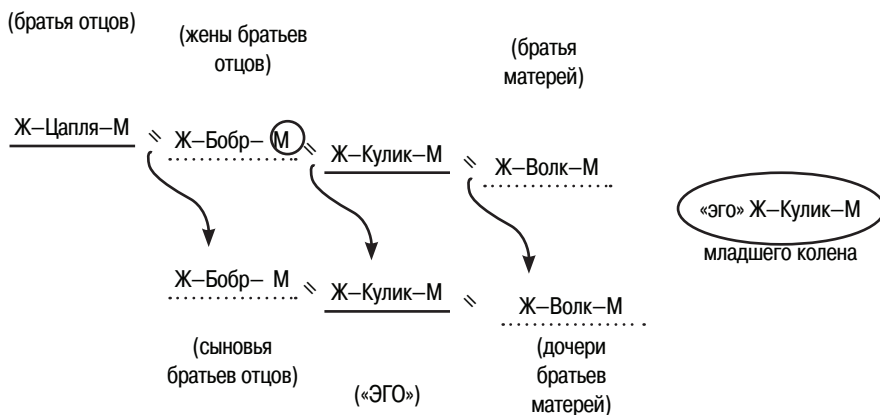

Рис. 3.6. Схема обязательных брачных прав для «эго» Ж-М младшего колена

5-я схема (рис. 3.5) отражает аналогичную картину со стороны младшего колена, колена «детей».

6-я схема (рис. 3.6), схема брачных норм в связи с тотемическими символами, поясняет на очень архаичном примере правило, часто фигурирующее в этнографических записях под названием «идеального варианта брака», по которому женщина выходит замуж за «сына сестры отца» (по записям Морган это будут «сыновья жены брата отца»), а мужчина женится на «дочери брата матери». Говоря иначе, женщины и мужчины одной возрастной группы соответственно полу должны избирать супругов в «прилежащих» возрастных группах. В одних этнических традициях члены «прилежащих» групп взаимно именуется терминами родства, переводимыми как «братья-сестры», и только после брачных обрядов это меняется на термины «муж-жена», в других градациях соответствующие мужчины и женщины «прилежащих» групп изначально именуется мужьями и женами, что и создавало в понимании миссионеров (и других лиц) представления о «групповом браке». Есть традиции, где обращения «муж-жена» практикуется между «дедами» и «внуками», что иногда вызывало недоумения этнографов. Поскольку архаическая групповая (возрастная) терминология родства не могла быть той схемой прав при дележе наследства, каковой является система индивидуальных терминов родства классового общества, она была, по сути своей, системой терминов-обращений, а система тотемических имен (как вторая секущая линия) полностью уточняла обращение, т. е. соотношение социальных статусов общающихся.

Наиболее сложен вопрос с «личными» именами в архаических обществах. Авторы художественных произведений, касающихся очень далеких времен, например, палеолита, обычно изобретают личные имена для своих героев, да и вообще наши современники полагают, что люди любого времени не могли бы обходиться без личных имен. Таково влияние привыч-

ного на сознание человека, но привычное может выглядеть иначе. Этнографический термин «тотем» практически был вопросом о «имени». На близких языках аборигенов Америки, расселенных в районе Великих озер, это слово (в звучаниях: *до-дам*, *то-тем*, *ото-дам*) переводимо как «твое (групповое) имя?». На что следовал ответ: Волк, Олень или иначе. Спрашивающий также называл свое тотемическое имя, и сразу становилось ясно, «кто из них кто», а из этого следовало полное обращение, например: «старший брат мой Волк» или др. «Персональные имена» были редкими, их удостоивались немногие за большие деяния или подвиги, но они никогда не произносились от первого лица. Существовали «имена-титуды» для общественно-значимых персон, но и они не произносились от первого лица. Все это нетрудно принять, если преодолеть «привычное» и понять, что в архаическом обществе индивид имел социальное значение только как член своей группы и в соответствии с возрастным статусом, в котором его группа находилась в данное время. В личных именах просто не было необходимости, но со временем, когда глубокие социальные изменения вызвали к жизни «институт личного имени», произошло любопытное превращение — групповые тотемические имена стали запретными, «тайными». За этот же период социальных изменений (различный по протяженности в зависимости от конкретных исторических обстоятельств в конкретных обществах) произошло и другое изменение — некогда групповые термины социально-возрастного родства стали передавать индивидуальное кровно-физиологическое происхождение. Но это происходило не сразу, а постепенно, по этапам, в известной мере соответствовавшим этапам перехода общественных отношений от доклассовых к классовым. Теоретически, в самом кратком виде, эти этапы можно изложить в следующем виде.

Если принять за начало отсчета ирокезский вариант (далеко не самый простой и «первоначальный») — 8 тотемических групп в колене, с временным различием в 2 года, — то следующий этап заключался в удвоении временного разрыва и в соответствующем сокращении числа тотемических групп в колене, поскольку продолжительность активного цикла человеческой жизни оставалась той же, то есть около 50 лет. Далее, какие-то причины заставили общество еще раз удвоить время одного возрастного статуса, он стал длиться 8 лет (как одну из причин можно предположить необходимость освоения все большего и большего количества традиционных знаний и умений). Это изменение сопровождалось превращением младшего и старшего колен социально-возрастной системы предыдущих периодов в одно «колени социально-активных людей», что увеличило возрастной разрыв между коленом людей и коленом «предков» с 16 лет до 32, а колени предков стало, таким образом, состоять почти целиком из умерших. Вероятнее всего, это изменение было связано с установлением хозяйства развитого неолита, т. е. с устойчивым преобладанием активных форм жизнеобеспе-

чения (скотоводства, земледелия). С этим периодом можно связать появление ритуального почитания умерших «предков», появление культа растений или животных, развитие культа плодородия, культа «женщины-матери».

Дальнейшее развитие активных форм хозяйства с неизбежностью столкнулось с «относительным недостатком хозяйственных угодий», что у обществ, опередивших других в развитии, впервые в истории человечества вызвало применение орудия против людей, т. е. военные столкновения из-за пастбищ и пригодных для земледелия пространств. Появление войн внесло некоторые изменения в порядок организации возрастных групп — мужские и женские группы стали формироваться отдельно вследствие того, что для мужчин возникла необходимость еще в одном возрастном статусе — статусе ВОИНА, т. е. в дополнительном 8-летнем (на грани статуса юноши и взрослого мужчины) времени для полноценного освоения военного оружия. Тотемические имена и другие символы групп также разделились на мужские и женские: женских осталось 4, а мужских стало 5 в колене. Так получилось, что общее социальное время одного колена стало составлять 40 лет (8×5), а первая и последняя женские группы в колене оказались с одним и тем же символом — за 4-м снова шел 1-й. Эта перестройка схемы возрастных статусов сказалась и на нормах обязательного (жестконаправленного) брака. Если до этого, при наличии общего символа и для женщин, и для мужчин (членов одной группы), было достаточно знать, например, символ (тотем) женщины, чтобы точно сказать, каков символ ее мужа, то в новых обстоятельствах, в непрерывном процессе вхождения в систему новых групп и выхода во внесоциальное состояние старых, из-за разницы числа мужских и женских групп в колене (т. е. «кольцах») повторения символов происходило непрерывное смещение парности символов. В подобных обстоятельствах для определения нормы браков стало мало одного символа, нужно было учитывать и «момент смещения» символа жены по отношению к символу мужа. Эта сложность породила мнемонические приемы, т. е. возникли специальные устные сжатые формулы-мнемоники с перечислением надлежащей парности тотемических мужских и женских имен. Такие мнемоники фиксировали групповые тотемические имена в единственном грамматическом числе и внешне напоминали «генеалогию» некоего «эго» (как рассматривали их фрагменты в этнографических записях). Структура ранних мнемоник примерно следующая: 1-Имя «эго» — «А», имя отца — «А», имя деда — «А», имя прадеда — «А», имя прапрадеда — «А» (разрыв времени между «эго» и «прапрадедом» — 160 лет); имя матери «эго» — «Б», имя жены деда — «В», имя жены прадеда — «Г», имя жены прапрадеда — «Д» (равно и имя жены «эго»); имя брата матери «эго» — «Е», имя брата матери-матери — «Ж», имя брата матери-матери-матери — «З».

Это — очень полная мнемоника, она встретилась только единожды, обычно в этнографических материалах встречаются небольшие фрагменты, либо

в виде так называемого «шуточного родства», либо в замечаниях об «идеальном варианте брака», о «кросскузенном браке», «о браках брата и сестры». Есть еще две почти полные мнемоники: первая — древнеирландская, в «Лекциях по древнему праву» Г.-С.Мена, о четырехступенчатой системе; вторая — пятиступенчатая, с точным указанием 8-летнего разрыва между ступенями (статусом) в «Истории галла» эфиопского монаха XVI века Бахрея о галла-оромо Восточной Африки.

Гораздо чаще доходят мнемоники и их фрагменты от следующего этапа изменений социально-возрастной системы, когда в нее проникает принцип физиологического происхождения. Собственно, этот принцип, получая социальную значимость, «выделяет» из общеэтнической системы (пятистатусной в одном колене) особую систему родственного «ограничения», замкнуто «культивирующую» необходимую обществу «священную персону». Вероятно, первоначально «священная персона» (чаще всего — военный вождь молодежи) просто избиралась по «внешним признакам», но со временем было замечено физиологическое наследование этих признаков или некоторых из них. На «фоне» пятисегментной системы конкретный индивид, выходя из социально-значимой части системы в 48 лет, в принципе мог «отметить» своего первенца, входящего в статус полноправия (24 года для мужчины), его первенца и своего «последнего» потомка, только что вступивших в первый статус системы. Между этими «персонами» будут еще три статуса, которые можно «заполнить» аналогичными первенцами двух других «братьев» первого индивида по мере их прохождения «черты» 48-летнего возраста. Все это создаст обособленную систему ИНДИВИДОВ, состоящую из трех колен общих дедов, отцов и сыновей (в физиологическом значении терминов родства).

Так, например, выглядела трехступенчатая система наследования титула *мфальме* (титула правителя суахилийских городов), реконструирования по материалам суахилийских хроник городов Пате и Кильва. Эта система, с одной стороны, сохраняла принцип возрастной системы (три представителя колена по старшинству исполняли функции *мфальме* и передавали его для последовательного отправления трем потомкам и т. д.), с другой стороны, все члены системы были физиологическими родственниками и в каждом колене объединялись одним термином *ндугу*, термином, в котором в данных обстоятельствах не учитывалось их индивидуальное физиологическое происхождение. В суахилийских терминах родства (в принципе — классификационных, т. е. групповых) три колена этой системы выглядели следующим образом (см. рис. 7).

В отличие от ирокезских, гавайских, тамильских и многих других терминов родства, переводы которых очень условны из-за недостаточной изученности строя их языков, суахилийские термины более понятны как слова (точнее — понятны до некоторой степени). Например, все три ступени тер-

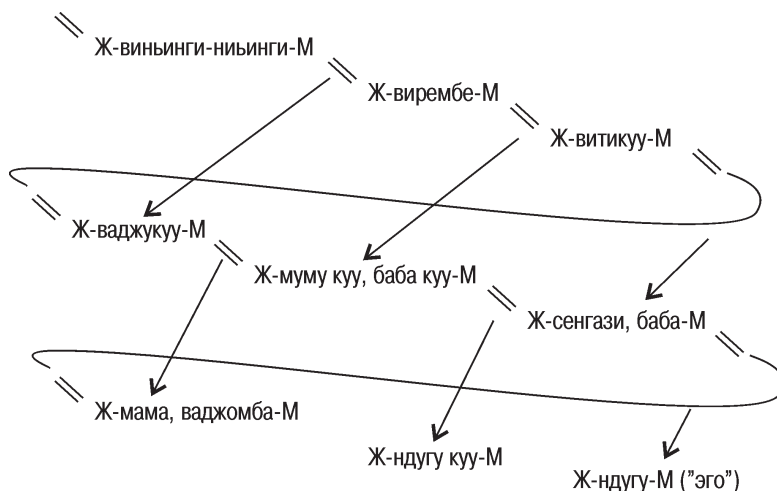

Рис. 7

минов старшего колена имеют формант *ви-* (ед.ч. *ки-*), который в данном случае обозначает социальную незначимость или неполноценность всех лиц, обозначаемых этими терминами. Сами термины имеют такие значения: *виньинги-ниьинги* ‘очень-очень далекие предки эго-группы’, *вирембе* ‘те, от которых получено *ремба*’, т. е. татуировка и иные знаки на теле, *витикуу* ‘внесоциальные старцы’. Среднее колено: *ваджукуу* ‘главные старцы’, обращает на себя внимание формант *ва-* (ед.ч. *м-*), здесь — знак социальной полноценности, *мама куу* и *баба куу* ‘старшие матери и старшие отцы’, *сенгази* ‘женщины статуса «се»’, т. е. имеющие детей; *баба* ‘отцы’ (заимствованное слово, ед.ч. *баба*, вытеснило древнее слово *се*, *ше* или *исе*) ‘мужчины, имеющие детей’, (ед.ч. *мама*) *мама* — вытеснило древнее *нья* или *инья* ‘женщины, имеющие детей’, ‘матери’; *ваджомба* ‘те, с которыми эго-группа связана родством *уджомбе*’, или *мджом-бавве*, т. е. ‘те, «дочери» которых будут женами мужчин эго-группы’; *ндугу куу* ‘старшие *ндугу*’ (по отношению к эго-группе) и *ндугу* ‘мои социальные сверстники’, т. е. равные со мной в обязанностях и правах мои «братья» и «сестры». Для наших *ндугу куу* мы — *ндугу ндого*, т. е. ‘младшие *ндугу*’, а наши *ндугу ндого*, когда они подрастут, будут относиться уже к более младшему колону. В трехступенчатой системе замечательно и то, что *мама* («матери») и *ваджомба* («братья» — сверстники «матерей») относятся к тому же младшему колону, что и эго-группа. Это может обозначать только одно — вместе с трехступенчатой, «переходной» системой появляется и счет родства, и он — мужской (общепатерный). Но если отсчет перенести на среднюю группу младшего колена (разумеется, тогда прочие термины родства будут отсчитываться от этой группы), то станет явным полное содержание термина *ндугу*, он объединит в своем «принципе родства» три группы «социальных сверстников» по сте-

пени старшинства: старше эго-группы будет группа *ндугу куу*, а младше — группа *ндугу ндого*, члены же эго-группы между собой будут просто *ндугу*, мужчины и женщины. И при всем желании термин *ндугу* (даже условно, в кавычках) нельзя перевести словами «братья, сестры» по той причине, что и их физические породители были также между собой *ндугу* (отцы — *ндугу куу* для своих жен, а матери — *ндугу ндого* для своих мужей), и их породили тоже *ндугу*, и так «до бесконечности».

Есть и еще одна сторона в этих обстоятельствах, которую легко упустить из вида. Не только *ндугу* (и, соответственно, все аналогичные по содержанию термины в других классификационных системах), но и все остальные термины, пока они сохраняют «групповое значение», столь же невозможно перевести на «современный язык», т. е. терминами родства с индивидуальным и физиологическим значением. Причина та же, что и с термином *ндугу* — они передают соотношения групп, а не индивидов, и не отражают обязательное физиологическое происхождение. Не случайно, например, у суахили произошла замена некоторых терминов уже в связи с переходом от пятиступенчатой схемы к трехступенчатой, где только еще начинался учет кровного родства (без разделения родных и двоюродных братьев и сестер). Глубоко архаичные термины статусов *исе* и *инья*, обозначавшие только то, что мужчины и женщины в этих возрастных состояниях имеют право-обязанность вступать в брак и ФИЗИЧЕСКИ порождать детей, заменились терминами *баба* и *мама*, поскольку их ПЕРВЕНЦЫ, а не все дети, фиксировались как ДЕТИ — члены младшего статуса трехступенчатой системы кровного родства.

Нет никаких оснований для того, чтобы исключить европейское общество, особенно архаическое общество Западной Европы, из сферы воздействия тех факторов, которые порождали социальные структуры, основанные на социально-возрастном принципе, прежде чем имущественное деление и классовобразование не выдвинуло иной принцип — принцип индивидуального кровного происхождения. Европейская устная и частично записанная традиция героических сказаний хранит достаточно сведений, чтобы не сомневаться в этом.